

Доктор Джеймс С. Шпигель, Христианская этика, Сессия 7,

Теория божественного повеления

© 2024 Джим Шпигель и Тед Хильдебрандт

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 7, Теория божественного повеления.

Хорошо, теперь, рассмотрев основные моральные теории, утилитаризм, кантовскую этику, этику добродетели и теорию общественного договора, давайте обратимся к более религиозным или теологическим подходам к этике, начав с Теории божественного повеления.

И оттуда мы поговорим об этике естественного права. Итак, теория божественного повеления, если говорить простыми словами, это точка зрения, что определенные действия являются правильными или неправильными просто потому, что так сказал Бог. Бог издал всевозможные повеления в писании.

Некоторые из них являются очень общими заповедями, такими как любить Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всем разумом твоим, всей душой твоей и всей крепостью твоей, и любить ближнего твоего, как самого себя. Некоторые из них являются очень конкретными заповедями, такими как различные увещания, которые мы получаем в посланиях Павла и других библейских книгах. В книге Левит мы получаем всевозможные судебные решения, которые описывают очень конкретные ситуации, которые могут включать плесень или телесные выделения, и что делать в этих конкретных обстоятельствах.

Их десятки, если не сотни. Итак, от самых абстрактных и общих моральных принципов до очень конкретных частных повелений о конкретных ситуациях, писания полны повелений. Значение божественных повелений, когда речь идет просто о размышлениях об этике и осмыслении наших концепций морального обязательства и долга, заключается в том, что эти повеления связывают нас с определенным стандартом.

Можно сказать, что божественные повеления имеют обязывающий эффект. В слове *commitment* корень термина *legare*, что означает связывать. Этот латинский термин буквально означает связывать.

Любой, у кого есть обязательство, этимологически, посмотрел бы на это. Ну, имеет смысл, что у нас есть эта ассоциация с тем, что мы связаны каким-то образом. Мы используем фразу *duty bound*.

Я не могу пойти с тобой в кино сегодня вечером. Почему? Потому что я обязан сделать это другое дело. Я сказал своему другу, что выполняю это поручение для него или сделаю то или это.

Есть своего рода связывание, которое мы связываем с обязательством. Божественные заповеди налагают обязательства в том смысле, что они связывают нас с любым стандартом Бога. Итак, это базовая идея в теории божественного приказа.

Бог дает повеления, и просто потому, что Бог дал эти повеления, мы обязаны им подчиняться. Теперь, это популярная теория среди христиан, и я думаю, что она еще яснее в том факте, что когда христиан спрашивают, какова их точка зрения по определенному вопросу, какому-то моральному вопросу, даже если они не называют себя теоретиками божественного повеления, их первым побуждением является обращение к писанию и просмотр того, что Бог говорит об этом конкретном вопросе. Или что в писании может быть применимо к этому вопросу, будь то аборт, эвтаназия, смертная казнь, легализация наркотиков или что-то еще?

Мы идем к писанию и смотрим, что Бог нам поручил делать. Он говорит нам, как нам следует жить. Мы сверимся с этим, и тогда мы узнаем, каков правильный курс действий.

Ну, долгое время скептики, религиозные скептики, атеисты и агностики отталкивали теорию божественного повеления, используя аргумент, который Платон дал нам, на самом деле Сократ, в одном из диалогов Платона, «Евтифрон». Теперь это называется «Дилемма Евтифрона», и если вы зайдете на любой атеистический сайт, в какой-то момент вы увидите этот аргумент против теории божественного повеления. Вам не нужны атеисты, чтобы утверждать, что вы, христиане, настолько наивны и глупы, что думаете, что можете найти этику в Боге.

Разве вы не знаете, что Сократ опроверг это 2500 лет назад? Итак, дилемма Евтифрона по сути утверждает, что если вы являетесь теоретиком божественного повеления, вы вынуждены выбирать между одним из двух различных вариантов, оба из которых весьма сомнительны. В контексте диалога Платона «Евтифрон» это возникает из разговора между Сократом и человеком, который ждет снаружи зала царя Архонта, магистрата, который председательствует в религиозных спорах. Сократ ждет, чтобы увидеть этого

конкретного магистрата, и Евтифрон и Сократ начинают этот разговор. Евтифрон спрашивает его, почему он там.

Он объясняет, что его привлекли к ответственности за нечестие, развращение молодежи и изобретение ложных богов, поскольку Сократ верил только в одного бога, а не во весь греческий пантеон. Ну, что ты здесь делаешь, спрашивает Сократ Евтифрона. Он говорит, ну, я преследую своего отца за убийство.

Это правда? Ого, твой собственный отец? Ага. Что он сделал? Ну, он убил слугу. Ну, что сделал этот слуга? Было ли что-то, что он сделал, что заставило твоего отца так сильно отреагировать? Да, на самом деле, он убил другого слугу.

Итак, у вас есть раб, который убил раба, и ваш отец убил раба, который убил. Как это произошло? Ну, он связал его. Он собирался обратиться к властям, получить помощь, и он связал его и бросил в канаву, и пока он шел за помощью, этот слуга умер.

Итак, ваш отец убил убийцу, и вы теперь его преследуете. Это верно. Ого, это впечатляет.

У вас действительно должно быть хорошее чувство правильного, справедливого и хорошего, чтобы быть настолько смелым, чтобы преследовать собственного отца за убийство. Ответ Евтифрона таков, ну, на самом деле, да, у меня есть хорошее, острое чувство правильного и неправильного, и я знаю, что я прав. Ну, не могли бы вы мне помочь и просто сказать, поскольку меня, Сократа, преследуют за нечестие, мне бы очень пригодилось ваше понимание того, в чем разница между тем, что благочестиво, и тем, что нет.

Не могли бы вы мне просто определить, что такое благочестие и что такое добро? А Евтифрон начинает с довольно хромого определения, которое слишком конкретно. Сначала он определяет добро как преследование преступника за его преступление. Хорошо, мы ищем что-то более общее.

Ладно. Лучшее определение, которое он придумал, это доброта или благочестие — это то, что все боги любят и что все боги ненавидят. Это нечестие.

Это плохо, неправильно. О, ладно. Сократ говорит, что это определенно лучше, чем ваши другие определения.

Еще одно. Не могли бы вы ответить мне на этот вопрос? Конечно. Боги любят благочестие, потому что оно хорошее, или оно хорошее, потому что они его любят? Что? Это кажется каким-то пустяковым вопросом.

На самом деле, это не так. Если они любят это, потому что это хорошо, это показывает, что есть что-то еще, кроме любви богов, что сделало это хорошим. Если это хорошо, потому что это любовь, если это хорошо, потому что они любят это, тогда вопрос в том, ну, почему они любят это? Так что, в любом случае, вы как бы застряли.

В конце концов, Евтифрон уходит, очень раздраженный, как это часто бывает с Сократом и его интервью. Вероятно, это и убило его. Просто люди были раздражены этим парнем.

Итак, мы можем адаптировать, как это сделали многие, эту проблему Евтифрона к монотеистическому контексту, в частности, к тому, который связан с божественными повелениями. Вот он. Бог повелевает что-то, потому что это хорошо, или что-то является хорошим, потому что Бог повелевает это? Теперь, если мы говорим, что Бог повелевает X, что бы это ни было, потому что это хорошо, это подразумевает, что добро определяется независимо от воли Бога.

И это с самого начала опровергает позицию. Если вы придерживаетесь последнего взгляда и говорите, что что-то хорошо, потому что Бог повелевает это, то это просто напрашивается вопрос, почему Бог повелевает это? И это возвращает нас к изначальному вопросу. Или вы могли бы, как на самом деле, мусульмане, принять этот подход. Они бы сказали, что Бог чисто и просто повелевает то, что он делает.

Он мог бы сделать праведным все, что угодно, если бы захотел. Он мог бы приказать изнасиловать, он мог бы приказать пытаться, он мог бы приказать издеваться над детьми, и все эти вещи были бы хороши. Но так уж получилось, что он приказывал делать то, что делал.

И это кажется проблематичным для многих из нас. Подождите-ка, кажется, что-то настолько неправильно в этих вещах, что повеление Бога само по себе не сделало бы их хорошими. Так как же нам избежать этой дилеммы? Похоже, что любой из вариантов плох.

Что нам делать? Современный философ религии Ричард Суинберн подходит к этому, говоря, что два рога дилеммы относятся к двум разным видам моральных истин. Поэтому он различает необходимые и случайные моральные истины. Необходимые моральные истины истинны во всех возможных мирах.

Они должны были быть истинными, и они не могли быть другими. Условные моральные истины, однако, истинны из-за определенных фактов об этом мире. Так, согласно Суинберну, Бог повелевает необходимые обязательные действия просто потому, что они хороши сами по себе.

Действуйте справедливо; будьте правдивы, например. Но условные обязательные действия хороши, потому что Бог повелевает им конкретно, чтобы вы заплатили этот долг этому человеку.

Вы должны сказать правду этому конкретному человеку; это зависит от жизненных обстоятельств. Итак, Бог повелел нам соблюдать определенные правила в определенных контекстах.

Это были бы условные обязательные действия в отличие от тех, которые являются таковыми и не могут быть другими. Это способ Суинберна иметь дело с этим. Я не большой поклонник этого.

Мне гораздо больше нравится решение Аквината. Его способ решения этой проблемы заключается в том, что Бог повелевает тем, что повелевает, не из-за природы действий, а из-за того, кем он является. Именно его природа является стандартом добра.

Его заповеди просто применяют его природу, так сказать, или говорят нам, что его природа подразумевает в этой конкретной ситуации или жизненном контексте. Таким образом, его заповеди открывают нам природу Бога. Во многих отношениях они говорят нам соответствовать природе Бога.

Итак, когда он говорит не убивать, это потому, что Бог жив и он есть справедливость. Когда он говорит нам чтить его превыше всего, это не произвольно. Это потому, что природа Бога такова, что всегда правильно и лучше всего почитать его прежде всего.

И так далее для всех заповедей, которые дает Бог. Существует так много способов донести до нас природу Бога. Он является стандартом благости.

Итак, Бог повелевает то, что повелевает, из-за того, кем является Бог. Итак, цель библейских повелений не в том, чтобы создать определенные моральные истины. Эти моральные истины вечны.

Цель библейских заповедей эпистемологическая, информировать нас о том, что является морально истинным и хорошим. И, конечно, все это является следствием того, кто есть Бог и какова его природа. Поэтому библейские заповеди по сути эпистемологические.

Они не создают моральных истин, и они не сообщают нам, что некоторые из стандартов, которые Бог сказал нам выше. Нет, они сообщают нам о последствиях божественной природы для наших различных способов поведения. Это томистский способ решения дилеммы Евтифрона.

Питер Гич, давний католический философ, имеет интересный взгляд на этику божественного приказа. Он утверждает, что не все моральные знания зависят от знания Бога, потому что, по его словам, любые предполагаемые божественные откровения должны оцениваться в моральных терминах, философски, чтобы мы могли признать, что это правдоподобное сообщение от Бога. Мы привносим определенные философские, моральные интуиции в наше чтение Писания, и именно поэтому те из нас, кто считает Писание от Бога, именно поэтому мы считаем его таковым.

Так что даже наша оценка писаний и моральных норм, которые у нас есть, сами по себе философские, говорит он. Опять же, он набожный католик. Он был мужем Дж. Э. М. Энскомб, философа, который бросил вызов К. С. Льюису в главе первого издания своей книги о чудесах, которая оказала на Льюиса такое сильное влияние.

Он относился к этому очень серьезно. Он был первоклассным философом, а Гич и Энскомб были отличной командой. Так что, в любом случае, Гич считает, что поскольку определенное моральное знание предшествует знанию Бога, то некоторое моральное знание не зависит от знания Бога.

Я не особенно симпатизирую этому, но это важная точка зрения, которая была бы более уместна в традиции естественного права. Далее мы поговорим об этике естественного права. Итак, общая нежелательность определенных действий, таких как ложь, детоубийство, прелюбодеяние, говорит он, цитата, сама по себе является провозглашением божественного закона, абсолютно запрещающего такие практики.

И это правда, говорит он, даже если человек не осознает, что это провозглашение божественного закона, даже если он не верит, что есть Бог, и что, опять же, это просто прямая этика естественного закона. Что Бог написан в наших сердцах. Закон Божий, я имею в виду, это метафора апостола Павла в Римлянам 2, я думаю, написанный в наших сердцах есть закон Божий.

Даже независимо от чтения писаний, мы знаем основные правильное и неправильное, и вот почему, когда мы подходим к писаниям, мы привносим определенную моральную структуру, которая может позволить нам оценить то, что Библия говорит нам о том, как мы должны жить нравственно, в основном на правильном пути. Это из-за этого врожденного осознания закона Божьего. Так что в следующий раз мы поговорим об этике естественного права, но это теория божественного повеления.

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 7, Теория божественного повеления.